

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ

ДЕТСКИЙ МИР

СОВЕТЫ ПСИХОЛОГА
РОДИТЕЛЯМ

Сергей Сергеевич Степанов
Детский мир. Советы психолога родителям

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371665

Аннотация

«В юности, когда ты бодр и преисполнен энтузиазма, мир кажется восхитительным и прекрасным, полным блестящих возможностей и ярких впечатлений. Вот только сварливые взрослые постоянно докучают своими нравоучениями и запретами. Вокруг растущего человека они соорудили целый частокол из предрассудков, сквозь который так и хочется вырваться на волю. Лишь с годами человек осознает: прежде чем ломать забор, стоит поразмыслить – зачем его поставили. Ибо то, что поначалу кажется преградой, на самом деле является опорой. Повзрослевший человек на свой лад начинает укреплять частокол вокруг идущей ему на смену молодой поросли. И так – из века в век...»

Содержание

О времена, о нравы!	4
Обретение жизни, или «Травма рождения»?	6
Миф о детской сексуальности	10
Невинный Эдип	13
Маменькины дочки, папины сынки	20
Отцовская роль	22
Старший, младший, единственный	24
Мера заботы	28
Детская игрушка: развлечение или судьба?	30
Добрым молодцам урок	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Степанов

Детский мир. Советы психолога родителям

О времена, о нравы! ***Вместо предисловия***

Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек.

(Древнеегипетский папирус. 2 тысячи лет до нашей эры)

Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру.

(Ассирийская клинопись. X век до нашей эры)

Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна.

(Гесиод, древнегреческий поэт. Конец VIII века до нашей эры)

Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие.

(Сократ, древнегреческий философ. V век до нашей эры)

Молодые люди полагают, что они естественны, тогда как на самом деле они просто дурно воспитаны и грубы.

(Франсуа де Ларошфуко, французский мыслитель. XVII век)

В юности, когда ты бодр и преисполнен энтузиазма, мир кажется восхитительным и прекрасным, полным блестящих возможностей и ярких впечатлений. Вот только сварливые взрослые постоянно докучают своими нравоучениями и запретами. Вокруг растущего человека они соорудили целый частокол из предрассудков, сквозь который так и хочется вырваться на волю. Лишь с годами человек осознает: прежде чем ломать забор, стоит поразмыслить – зачем его поставили. Ибо то, что поначалу кажется преградой, на самом деле является опорой. Повзрослевший человек на свой лад начинает укреплять частокол вокруг идущей ему на смену молодой поросли. И так – из века в век.

Во все времена подрастающее поколение давало старшим повод для недовольства. Но это не значит, что каждое новое поколение хуже предыдущего. Будь это так, человечество давно бы выродилось. А оно, напротив, стремится ввысь. И каждое новое поколение вносит свой вклад в обогащение мировой науки и культуры. Правда, не переводятся и

жалкие людишки, которые во все времена вырастали из юных оболтусов. Никчемные юнцы были и во времена Сократа, и во времена Ларошфуко. Есть они и сейчас. Но не ими измеряется достоинство поколения.

Дети не хуже нас, хотя и отличаются от нас – тем, что они молоды. Как бы мы ни старались, мы не удержим их от повторения тех глупостей и безрассудств, которые совершали сами (хотя и постарались об этом забыть). Дети обязательно совершат много ошибок, набьют себе много шишек. Ведь это – единственный способ повзрослеть! Правда, буйствовать и дурачиться они будут на свой лад, раздражая нас своими манерами и повадками. А потом за то же самое станут упрекать своих детей.

Мы сможем с ними поладить, только если постоянно будем об этом помнить, отличать настоящие ростки порока от болезней роста.

Человек бывает плох. Человек бывает юн. Это вовсе не одно и то же. Плохого человека можно пытаться исправить. Юный «исправится» сам. Ведь молодость – это тот недостаток, который неизбежно проходит с годами. Хотя, честно говоря, порою бывает жаль, что проходит слишком быстро, и нас в нем уже не упрекнешь...

(Сергей Степанов, психолог. Начало третьего тысячелетия)

Обретение жизни, или «Травма рождения»?

В возрастной психологии издавна бытует понятие «кризис новорожденности». В связи с этим возникает вопрос: неужели человеческая жизнь начинается с кризиса? Само слово «кризис» в переводе с греческого означает переломный этап в развитии. Но в данном случае возникает новый вопрос: о каком переломном этапе может идти речь? Ведь жизнь начинается с рождения, до этого момента человека просто не существует!

А вот с этим утверждением едва ли можно согласиться. До рождения человеческий организм проходит этап внутриутробного созревания. Существуют разные мнения о том, является ли еще не родившийся ребенок человеком. Точка зрения христианских богословов на сей счет однозначно положительная. Вследствие этого аборт расценивается как тяжкий грех – разновидность убийства. И такая позиция характерна не только для христианского мира. Например, в Монголии срок жизни человека исчисляется с момента зачатия.

Медики, говоря о внутриутробном развитии, избегают слова «ребенок», а тем более «человек», отдавая предпочтение понятию «плод». Тем не менее объективные медицинские наблюдения позволяют заключить, что существо, находящееся в утробе матери, не есть неодушевленный кусочек материи. Оно живет, развивается, чувствует и с каждым днем все более активно реагирует на воздействия окружающей среды. И в этом смысле правы те, кто говорит о жизни до рождения.

Мать, вынашивая ребенка, с трепетным вниманием прислушивается ко всякому проявлению его жизнедеятельности. Она не может не заметить, что комочек плоти у нее под сердцем отзывается на многие события, происходящие во внешнем мире. Например, замечено, что громкая ритмичная музыка приводит его в возбуждение и заставляет беспокоиться, а мягкая мелодичная – кажется, наоборот, приносит умиротворение. Настроение матери тоже сказывается на его состоянии. Если мать встревожена, огорчена, раздражена – ребенку, похоже, это не по вкусу.

Из подобных наблюдений родилась целая научно-практическая концепция – пренатальная (дородовая) педагогика. Суть ее вытекает из очевидных фактов. Если ребенок, пускай еще и не родившийся, способен реагировать на определенные стимулы, то необходимо обеспечить ему такие стимулы, которые благоприятно сказывались бы на его состоянии и развитии. Тем более, что уже в утробе матери он обретает определенный опыт, который впоследствии скажется на всей его жизни. Значит, надо позаботиться, чтобы это был положительный опыт.

Соответственно разработан целый набор рекомендаций, как беременной женщине следует себя вести, какие книги читать, какую музыку слушать и т. п.

Как и большинство оригинальных теорий, пренатальная педагогика содержит рациональное зерно, однако, будучи доведена до крайности, кажется подходом спорным. Ее приверженцы склонны переоценивать способности плода к восприятию и усвоению внешних стимулов. Действительно, уже новорожденный ребенок демонстрирует поразительную способность узнавать голоса близких, в первую очередь – матери. Это свидетельствует о том, что воспринимая их на всем этапе дородового развития, он успел с ними свыкнуться и освоиться. Но из этого, наверное, не следует, что всякая информация, дошедшая до него на этом этапе, играет важную роль в становлении его психики. Реакции плода еще очень обобщенные и примитивные.

Сама по себе идея создания плоду наилучших условий развития, безусловно, верна. Не следует только заострять ее до абсурда.

Будущая мама, которая вслух читает Гомера в надежде, что ее отпрыск вырастет ценителем классической литературы, заслуживает лишь добродушной иронии. Конечно, подоб-

ная забота о культурном развитии ребенка, если она будет иметь место и далее – после его рождения, непременно скажется впоследствии. Но тут решающую роль сыграет все-таки не дородовое стимулирование, а создание благоприятной воспитательной атмосферы.

Можно восторгаться практикой дородового «воспитания» или с негодованием отвергать ее, однако очевидно: родители, заботящиеся о развитии ребенка еще до его рождения, скорее всего окажутся хорошими воспитателями и много дадут ребенку, когда он появится на свет. А позитивные результаты можно будет объяснить и предварительной «подготовкой». Впрочем, позитивный результат ценен сам по себе и не требует объяснений...

А если женщина в пору беременности не может отказаться от сигареты, позволяет себе выпить рюмку спиртного, а ее общение с близкими протекает в основном на повышенных тонах, – понятно, что и ныне, и в будущем забота о ребенке не является для нее первостепенной. Нетрудно представить, в какую воспитательную атмосферу попадет новорожденный. И где тогда искать объяснения отклонений в его развитии и поведении?

Рекомендации о том, какой образ жизни следует вести во время беременности, в основном разработаны медиками. И женщине, заботящейся о полноценном развитии своего ребенка, надо этих рекомендаций придерживаться. Особую роль играет психологический настрой будущей матери. И об этом должен позаботиться отец ребенка, все близкие. Ну и, конечно, тяжелый рок в эту пору лучше не слушать. Стоит ли слушать Чайковского? Безусловно, если он вам нравится. Это, может быть, и не приведет к тому, что ваш наследник станет музыкантом-виртуозом, однако его развитию точно не повредит.

А каковы же те объективные условия, в которых пребывает человеческий организм до рождения? Сама природа мудро позаботилась о том, чтобы эти условия были максимально благоприятными. Жизнеобеспечение плода не является предметом его заботы, все необходимое он получает из организма матери. Именно поэтому медицинские рекомендации о рациональном питании беременной женщине надо соблюдать неукоснительно, ибо ее неполноценное питание чревато искажениями в развитии плода (не говоря уже об опасностях алкогольной или никотиновой интоксикации).

Можно сказать, что до определенного момента плод пребывает в условиях полного блаженства. Температурный режим его существования стабильный и удобный: окружающая его среда той же температуры, что и его тело. Плавая в околоплодной жидкости, он обеспечивается кислородом за счет единой с матерью системы кровообращения. Правда, поначалу ничем не стесненный, он со временем начинает испытывать стеснение: организм растет, а окружающая среда – нет. Наступает момент, когда приходится покинуть удобное лоно. Это и есть критический этап развития, чреватый необходимостью перехода к новому состоянию.

Что же происходит в момент появления ребенка на свет? Отрываясь от организма матери, он теряет с ним природную связь и попадает в условия, резко отличающиеся от тех, в которых он существовал прежде. В известном смысле, эти условия – менее благоприятные, и погружение в них болезненно. Не привыкший к ощущению своего веса, ребенок из жидкой среды попадает в воздушное пространство. И сила тяготения наваливается на него громоздким грузом. На органы чувств, ранее получавшие лишь приглушенные стимулы, обрушиваются потоки звуков, света, прикосновений. Температура окружающей среды вдруг мгновенно снижается. А кислород вместе с кровью матери больше не поступает, приходится самому делать первые обжигающие вдохи.

Вот как образно живописует эту перемену психолог Е. В. Субботский: «Вы говорите, ада не существует? Но он есть, и не там, не за порогом жизни, а в ее начале. Что если нас нагими поместить в холодильник вниз головой, заполнить пространство едким дымом, а затем ослепить прожекторами под громовые раскаты взрывов?»

А ведь именно нечто подобное испытывает новорожденный. Так происходит его первое столкновение с действительностью. И это болезненное столкновение. Согласно трак-

товке Зигмунда Фрейда, все становление человека – это череда болезненных столкновений с враждебными условиями. Верный ученик и последователь Фрейда Отто Ранк развил эту идею. Ему принадлежит концепция так называемой травмы рождения. Ранк полагал, что отрыв от организма матери и погружение в неблагоприятную внешнюю среду – самое сильное травмирующее переживание в веренице жизненных испытаний. И именно травма рождения определяет последующие негативные стороны нашей психической жизни. Человек вечно бессознательно стремится туда, откуда был вытолкнут, в благодатное материнское лоно. Но возврата нет, и это порождает всевозможные невротические расстройства. Правда, сам Ранк, посвятивший разработке этой темы многие годы, впоследствии признал, что довел фрейдистскую идею до абсурда. Да и сам Фрейд о теории Ранка отзывался скептически.

Тем не менее эта теория по сей день имеет явных и неявных сторонников. Так, Фредерик Лабуайе посвятил целую книгу описанию процедуры родов, которая минимально травмирует входящего в мир ребенка. Лабуайе рекомендует отсекаать пуповину не сразу, а по прошествии 4–5 минут, чтобы дыхание нормализовалось постепенно. Он советует принимать роды в полумраке, соблюдая при этом тишину и еще целый ряд условий, снижающих уже описанных шок. Надо, правда, признать, что рекомендации Лабуайе для подавляющего большинства родителей носят отвлеченный характер. Ибо современная техника приема родов даже в самых обеспеченных медицинских учреждениях основывается совсем на иных правилах. Так что дети, которым еще предстоит родиться, появятся на свет так же, как и многие поколения их предков. Что, впрочем, едва ли очень плохо. Все мы родились «по старинке», но немало среди нас людей уравновешенных, благополучных, счастливых, несмотря на пресловутую травму рождения. Поэтому, наверное, не надо преувеличивать негативное влияние первичного шока и сваливать на него всю вину за последующие недостатки воспитания.

Еще одна разновидность «безболезненных» родов – роды в воде. Этот подход находит в последние годы немало сторонников. Они утверждают: выход из жидкой среды обитания должен происходить постепенно, тогда он не приводит к серьезной травме. В развитие этого подхода сформировалось целое движение «Плывать раньше, чем ходить». Один из его инициаторов в нашей стране свой первый опыт поставил на собственной дочери. Этот опыт был продиктован жестокой необходимостью: девочка родилась недоношенной, и для нее создание комфортных условий было вопросом выживания. Проведя первые месяцы жизни в воде, девочка прекрасно развивалась физически. Это дало повод рекомендовать столь радикальные «водные процедуры» в качестве едва ли не чудодейственного стимулятора развития ребенка. Впоследствии это движение приобрело даже некоторую мистическую окраску (что зачастую сопутствует всевозможным концепциям совершенствования человека).

О плавании младенцев можно спорить. Несомненно одно – развивающий и закалывающий эффект подобных процедур. Безусловно – в том случае, если они проводятся людьми, имеющими необходимую подготовку, ибо дилетантизм здесь смертельно опасен. Но наше сознание склонно к крайностям. Кое-кто видит в плавании панацею от всех проблем. Такой подход, наверное, все-таки является преувеличением.

Что же касается родов в воде, то это тоже вопрос дискуссионный. Если родители столь привержены модной идее, что готовы опробовать ее на себе, не надо им препятствовать. Важно только, чтобы были соблюдены все необходимые гигиенические условия. Но вряд ли стоит расценивать их шаг как рождение совершенного человека будущего. Скорее всего ребенок, вынырнувший из материнского чрева в ванну, а то и в Черное море (именно там проводит свои ритуалы эта радикальная секта), не избежит многих проблем, с которыми предстоит столкнуться каждому входящему в этот мир. И его, и его сверстника, который появляется на свет в обычном роддоме, ждут серьезные испытания на жизненном пути. Каким человеком он станет, зависит от того, как он научится справляться с этими испытаниями, а не от того, подстелили ли ему соломку на первых шагах.

Таким образом, кризис новорожденности – явление закономерное, естественное и неизбежное. Мы можем пытаться его смягчить, но это едва ли решит главную проблему нового человека, пришедшего в мир, – проблему обустройства в этом мире. Ведь в материнское лоно, действительно, нет возврата. И иллюзии здесь не помогут. Есть мир, в котором предстоит жить. И задача родителей – помочь ребенку обрести свое место в этом мире.

Между прочим

Стресс в наследство

Послеродовая депрессия, от которой страдает каждая пятая роженица, может отрицательно сказаться на состоянии здоровья младенца, выяснили американские ученые. Находясь в таком состоянии, женщины уделяют недостаточно внимания малышу или, наоборот, изматывают его повышенной опекой. Медики также обнаружили у пребывающих в послеродовой депрессии матерей и их детей повышенное содержание кортизола – гормона стресса. Его высокий уровень в первые месяцы жизни может привести к тому, что в будущем эти дети будут подвержены депрессии и бессоннице.

Миф о детской сексуальности

Сегодня уже никто не спорит, что секс в нашей стране все-таки есть. После долгих лет стыдливого замалчивания и последовавшего затем бурного всплеска откровенности отношение к этому предмету почти утратило нездоровый оттенок. Пожалуй, единственная тема, которая продолжает вызывать острую полемику, – это так называемая детская сексуальность.

Интерес ученых к этой теме возник на рубеже веков. Книга немецкого доктора Альберта Моля «Половая жизнь ребенка» произвела в те годы эффект разорвавшейся бомбы. Но подлинную революцию в этом вопросе ознаменовало создание Зигмундом Фрейдом теории детской сексуальности.

Идеи Фрейда получили во всем мире, а теперь и у нас, широкое распространение и, увы, поверхностную, не совсем верную трактовку. Благодаря ей ребенок предстает эдаким монстром, который с малых лет озабочен кровосмесительными фантазиями и эротическим играм. А такое понимание детской сексуальности далеко от истины.

Видный последователь Фрейда французский психоаналитик Пьер Дако подчеркивает: детскую сексуальность нельзя отождествлять с отпавлением половой функции, так как сама эта функция в детском организме еще не оформилась. Ребенок не может стремиться к половому удовлетворению, поскольку до этого просто не созрел. Поведение ребенка действительно с малых лет определяется его принадлежностью к своему полу и в этом смысле имеет половую окраску. Именно в таком значении следует говорить о детской сексуальности, а акцентирование эротических моментов было бы неоправданным преувеличением.

Но как же объяснить такие особенности детского поведения, как сексуальные интересы, эротические игры, наконец – онанизм?

Действительно большинство детей еще в дошкольном возрасте проявляют повышенный интерес к половой сфере, к проблеме деторождения и т. п. Впрочем, детям вообще свойственна повышенная любознательность – для них это средство познания окружающего мира. Их интересует буквально все, в том числе и «это». То есть сексуальный интерес ребенка по сути составляет компонент общего познавательного интереса. «Куда садится солнце?», «Почему дует ветер?», «Откуда берутся дети?» – для ребенка это вопросы одного порядка. Обострение интереса к половой сфере действительно может иметь место. Но, как правило, оно бывает спровоцировано самими взрослыми. Ведь почти на любой вопрос родители спокойно отвечают, а вопросы, касающиеся пола, часто вызывают у них смущение, негодование, стремление уклониться от ответа. Не будем забывать, что теория Фрейда сложилась в эпоху пуританских нравов, когда «нездоровый» детский интерес принято было строго пресекать. Сегодня, когда существует даже детская энциклопедия сексуальности, многие родители легко находят на любые детские вопросы вполне приемлемые ответы. И, как выясняется, детский интерес, будучи адекватно удовлетворен, не приобретает нездоровой окраски и часто вообще сходит на нет.

Значит, следует говорить ребенку правду? Да, следует. И пусть это никому не покажется странным, противоестественным, неуместным. На детские вопросы необходимо отвечать. Главное – как. Ответы типа «Мал еще...» проблему не решают, а наоборот усугубляют. Попытки перевести разговор на другую тему – вариант в принципе подходящий, но трудно осуществимый; ребенка такой прием едва ли устроит, и он скорее всего вернется к своему вопросу. Байки про аиста, капусту и покупку детей в магазине могут на короткое время разрядить ситуацию. Однако вскоре ребенок так или иначе узнает, что был неуклюже обманут, и это надолго подорвет его доверие к родителям как к источнику достоверной информации. Суть в том, чтобы, говоря ребенку правду, донести ее не всю, а ту часть, которую он в меру

своего разума способен адекватно воспринять. Конечно, и выражения при этом должны быть доступные ребенку.

В информировании детей по вопросам пола важно не «перегнуть палку», не торопиться донести до малыша сведения, его еще не касающиеся и не интересующие. Информация, трудно доступная пониманию, может породить совершенно ненужные размышления и фантазии, а может и травмировать ребенка. Соответствующие вопросы он сам задаст рано или поздно. В большинстве случаев, по мнению родителей, – даже слишком рано, но тут, однако, никогда не бывает «слишком» – если интерес появился, он требует удовлетворения. И он не должен заставить родителей врасплох, подходящие ответы надо заранее продумать или отыскать в научно-популярной литературе. А вот насколько полезна такая литература самому ребенку, даже если ему она и адресована, – вопрос спорный. По крайней мере, прежде чем усесться читать с сыном или дочерью новомодную энциклопедию, родителям следует сначала с ней ознакомиться и решить, отвечает ли она их моральным представлениям, да и уровню развития их чада.

Детский познавательный интерес лежит и в основе так называемых эротических игр. Не секрет, что многие дошкольники удовлетворяют свой интерес к строению человеческого тела, играя в «докторов», в «папу и маму» и т. п. Внешне такие игры действительно производят впечатление сексуальных манипуляций: тут и обнажение, и интимные прикосновения, и т. п. Но и в этой ситуации негодование взрослых едва ли уместно. Удовлетворение интереса наступает быстро, и подобные игры сами собой сходят на нет. Если же детей за этот «разврат» стыдить и наказывать, то в результате можно получить тот самый нездоровый акцент, который пугает взрослых. Гнев родителей может лишь подогреть интерес, уже почти удовлетворенный и исчерпанный. Поэтому преследовать такие игры не стоит, в привычку они наверняка не войдут. Взрослым надо лишь занять детей чем-то не менее интересным. И уж, разумеется, недопустимы акценты на сексуальной стороне ситуации. Кстати характерно, что если в семье есть дети разного пола, не сильно различающиеся по возрасту, и они имеют возможность увидеть друг друга обнаженными в будничной бытовой обстановке, то их подобные игры вообще ничуть не увлекают.

Что касается мастурбации, то о сексуальной окраске этого явления речь можно вести лишь начиная с подросткового возраста, то есть по мере приближения к половой зрелости. (Некоторые авторы употребляют более привычный термин «онанизм», однако он относится лишь к мальчикам, а привычка стимулировать свои половые органы встречается и у девочек; для обоих полов это явление обозначается как мастурбация). Если «нездоровая страсть» появляется в более раннем возрасте, но в этих случаях она имеет характер навязчивой привычки наподобие сосания пальца или грызения ногтей. Эта привычка может иметь невротическую природу, тем более если строго преследуется взрослыми. Чаще всего она наблюдается у тех детей, кто с младенчества воспитывался жестко, строго, чрезмерно требовательно, либо у тех, кто испытал явный дефицит внимания со стороны родителей. Такие дети подолгу оставались одни в постели, их редко брали на руки и не укачивали, если они плохо засыпали. Рано отлученные от материнской груди, они не нашли удовлетворения и в соске, которую тоже вскоре отобрали.

В условиях недостатка ласки и впечатлений ребенок, предоставленный самому себе, испытывает скуку или страх и ищет успокоение и отвлечение в немногих доступных ему действиях: манипулирует частями своего тела, сосет палец или губу, теребит волосы, ухо, нос, наконец – половые органы. Вначале он прибегает к подобным действиям потому, что отсутствует мать. Когда же обеспокоенная мать появляется рядом и спешит отвлечь его от навязчивых занятий, она уже не привлекает его внимания: он занят сам собой. Так происходит перестройка всей жизненной ориентации малыша. Изначально он стремится к притоку внешних впечатлений и положительных эмоций. Если мать рядом, она удовлетворяет

эту потребность. Если же ее нет рядом, то развитие ребенка не просто затормаживается, а как бы возвращается во внутриутробный период. Ребенок сам себя утешает и успокаивает, источник впечатлений также ищет в самом себе. Дурная привычка становится необходимым ритуалом самоуспокоения, отвлечения от страхов и беспокойства, компенсацией недостатка общения.

Нежные прикосновения материнских рук, поцелуи как бы предусмотрены природой в сложных механизмах созревания ребенка. Самостимуляция в виде сосания пальцев, губ, в том числе и мастурбации возникает как эквивалент естественной стимуляции у тех детей, которым недостает прикосновения любящих рук. Такая самостимуляция может перерасти в привычку и растянуться на долгие годы.

Если привычка сформировалась, родители должны бороться с нею, с привычкой, а не с ребенком. Прямолинейная настойчивость при этом только раздражает малыша и провоцирует конфликты. Наказания и запугивания могут привести к исчезновению внешних симптомов. Однако за подобным «излечением» всегда лежит тяжелое потрясение, так что психологические последствия принятых мер могут оказаться тяжелее устраненной привычки.

Избавление от мастурбации требует времени едва ли не большего, чем то, которое ушло на ее становление. В основе возникновения такой привычки лежит недостаток внимания к ребенку, и для ее устранения этот недостаток необходимо терпеливо восполнять. Увлекая ребенка интересными занятиями, общаясь с ним, родители помогают ему изжить те глубинные внутренние переживания, которые породили неприятные действия. Борьба с мастурбацией – это всегда борьба с тревожностью, неуверенностью, пессимизмом, но уж никак не с «порочными наклонностями».

Обобщая сказанное, можно с уверенностью утверждать, что если так называемая детская сексуальность не будет подстегнута неосмотрительным поведением родителей, то данная проблема сама по себе не возникнет, ибо не имеет в детском возрасте абсолютно никаких внутренних природных источников.

Воспитание, безусловно, не должно быть «бесполым». То есть детей с малых лет следует воспитывать как мальчиков или как девочек, будущих мужчин и женщин. Но именно будущих, не торопясь приписывать им то, до чего им еще предстоит дозреть.

Невинный Эдип

Еще совсем недавно авторы популярных книг и брошюр сетовали на психологическую неграмотность родителей, которая порождает ошибки и затруднения в воспитании детей. В последние годы положение стало меняться, и сегодня мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией, которая, однако, тоже по-своему настораживает. Среди родителей все больше становится таких, кто следит за психологической литературой, особое внимание уделяя ранее недоступным источникам. Наспех ознакомившись с входящими в моду теориями, методами и понятиями, иные родители торопятся примерить их на своего ребенка и делает при этом поспешные, неточные, а порой и недопустимые выводы.

Среди психологов особенно «повезло» Зигмунду Фрейду, имя которого долгие годы находилось у нас под полуофициальным запретом и чьи труды в последние несколько лет лавиной выплеснулись на книжные прилавки. Одно из центральных понятий фрейдизма – Эдипов комплекс – сегодня знакомо (по крайней мере на слух) очень многим. И немало родителей стараются разобраться, есть ли злосчастный комплекс у их ребенка и как с ним бороться.

Для начала разберемся, кто такой Эдип. Согласно древнегреческому мифу, так звали мальчика, который родился в семье фиванского царя Лая. Еще до рождения ребенка оракулы предрекли Лаю, что тот погибнет от руки собственного сына. Поэтому по приказу отца слуги унесли младенца из дворца и бросили его на верную смерть в пустынной местности. Ребенок, однако, не погиб, а был подобран и воспитан совершенно чужими людьми, которых до поры считал своими родителями. Повзрослевшему Эдипу каким-то образом открылось касавшееся его пророчество, и он в испуге покинул дом, не желая, чтобы оно сбылось. Судьба (по мнению древних греков, неумолимая и всесильная) столкнула его на дороге с незнакомцем – Лаем, которого он и убил в результате завязавшейся ссоры. Позднее неподалеку от города Фивы ему удалось совершить чудесный подвиг и уничтожить чудовище, наводившее ужас на горожан. Восторженные фиванцы провозгласили Эдипа царем, и по заведенной традиции он женился на вдове Лая, не подозревая, что его родная мать. История на этом не закончилась и имела немало печальных последствий, что, однако, для нас уже не так важно.

Миф об Эдипе получил неожиданную трактовку в трудах Фрейда. Для Фрейда центральной движущей силой поведения человека выступали глубинные неосознанные влечения, сексуальные по своей природе. Поскольку такие влечения считаются недопустимыми, для них не находится места в сознании и они «вытесняются» оттуда в сферу бессознательной психики, продолжая тем не менее влиять на мироощущение и поведение человека. Фрейд считал, что у мальчиков формируется комплекс Эдипа в результате вытеснения в раннем детстве влечения к матери и соответственно враждебности к отцу как к сопернику. Девочкам свойственен аналогичный комплекс Электры (по имени героини еще одного мифа); это совокупность враждебных чувств к матери, которые обусловлены ревностью к сопернице, мешающей безраздельно владеть отцом.

Важным понятием в фрейдистской схеме выступает так называемая «первичная сцена», когда ребенок в совсем еще нежном возрасте в той или иной форме впервые сталкивается с фактом интимной близости родителей. По мнению Фрейда, «первичная сцена» имеет место в жизни каждого человека, причем производит настолько ужасающее, травмирующее впечатление, что поспешно вытесняется из сознания в глубины бессознательной психики.

Но для понимания взаимоотношений родителей и ребенка наиболее существенно даже не это. Согласно фрейдистской доктрине, детско-родительские отношения изначально

амбивалентны, окрашены противоречивыми чувствами, причем мать и отец выступают для ребенка в совершенно разных ролях, и сам ребенок матерью и отцом воспринимается совершенно по-разному. Поскольку речь в данном случае идет не просто о психическом, а о психосексуальном развитии, то и эти отношения следует рассматривать едва ли не в эротическом ключе (впрочем, если быть верным духу и букве первоисточника, то почему – едва ли?) Это соответственно накладывает отпечаток на роль сына или дочери как представителей разных полов.

Для мальчика мать изначально выступает первым и главным либидозным объектом, все его последующие отношения с противоположным полом будут неявно реализовывать те сексуальные влечения, которые впервые возникли по отношению к матери. И для матери сын является воплощением идеала мужчины, которому не в состоянии соответствовать ни один реальный муж, в том числе ее собственный. Именно поэтому впоследствии любая невестка будет ею встречена с тайной, деликатно скрываемой (даже от самой себя), а чаще – совершенно откровенной и явной неприязнью. Тандем мать-сын представляет собой тесный эмоциональный союз, эротическая форма которого жестко табуирована социумом и потому надежно вытеснена из сознания обоих.

(Замечательной иллюстрацией к житейскому восприятию этого извращенного сюжета служит американская комедия «Анализируем это». В ней криминальный авторитет обращается за помощью к психоаналитику. После вскрытия соответствующих эдипальных мотивов, он с негодованием вопрошает: «Ты же, братан, имеешь в виду, что я хотел ... свою маму?» Напуганный аналитик робко оправдывается: «Это не я, это Фрейд». «Козел он, твой Фрейд!» – следует бесхитростный ответ. Правда, впоследствии мафиозо упрекает аналитика: «Что ты со мной сделал? Я же теперь маме позвонить стесняюсь!» Вообще, фильм великолепный – психолог в нем увидит намного больше обычного зрителя.)

Соответственно, отец выступает разрушителем этого тандема и потому воспринимается сыном как нежелательный соперник. Отношения с ним всю жизнь будут окрашены скрытой враждебностью и глубоко вытесненным страхом, борьбой за недопущение в сознание древнего мотива отцеубийства. Только смерть отца окончательно освобождает мужчину от инфантильного комплекса, хотя и это событие воспринимается амбивалентно – это и ликование в связи с избавлением от грозного соперника, и неизбежное чувство вины, связанное с социально табуированными агрессивными импульсами.

Для девочки эта ситуация отражается зеркально: отец – либидозный объект и мать – соперница. Соответственно, имеет место эмоциональный тандем отец-дочь, который, если верить фрейдистам, чуть ли не в каждой семье выливается в прямой инцест. И для матери взрослеющая дочь служит постоянным напоминанием о ее собственном женском увядании, и потому их отношения окрашены скрытой враждебностью. Впрочем, будущему зятю, как и невестке, не позавидуешь. На него теща станет бессознательно проецировать неудовлетворенность отношениями с противоположным полом, которую небезопасно направлять на собственного мужа. Ну а для тестя зять будет неявно выступать «обидчиком» дочери.

Разумеется, конкретный «расклад» в каждой семье не исчерпывается этим описанием, однако в целом, согласно фрейдистскому подходу, основные (причем универсальные) тенденции именно таковы. Для аргументации этой теории приводятся конкретные жизненные примеры, которые весьма убедительны и кажутся бесспорными. Наблюдая ту или иную семью, легко может подметить в ней хотя бы некоторые черты описанного «расклада», что многих заставляет хотя бы частично солидаризироваться с фрейдистской доктриной.

Впрочем, надо отметить, что многие специалисты не согласны с Фрейдом. Еще в 1920-е годы английский антрополог Бронислав Малиновский (в ту пору ревностный фрейдист), изучая культуру примитивных обществ на островах Новой Гвинеи столкнулся в весьма специфическими проявлениями Эдипова комплекса. Начать с того, что для местных аборигенов,

в отличие от западной культуры, половые отношения представляются настолько органичными и естественными, что их и не принято особо скрывать. Существует, правда, институт моногамного брака, то есть социально приемлемыми считаются только половые отношения мужа и жены, однако они в буквальном смысле не скрыты никакими покрывалами, в том числе и от их собственных детей. «Первичная сцена» в данном случае выступает как обыденное явление, то есть совершенно утрачивает травматическую окраску. (Небезынтересно, что культурные запреты в этом обществе касаются совсем другой сферы – питания. Есть принято в одиночку или в кругу близких; быть застигнутым посторонними за этим «интимным» занятием считается крайне неприличным.)

Специфическое явление данной культуры – особая роль отца, которая фактически сводится лишь к зачатию ребенка. Согласно принятым традициям, в воспитании собственных детей отец никакого участия не принимает. Он, конечно, с ними общается, но совершенно «на равных». Реально отцовскую роль исполняет дядя – родной брат матери, который, разумеется, никаких интимных отношений с нею не имеет. Наблюдается экзотическое распределение ролей: отец живет половой жизнью с матерью, причем фактически на глазах у детей, а воспитывает детей другой мужчина.

И в этой необычной ситуации Малиновскому удалось наблюдать нечто подобное Эдипову комплексу. Привязанность сыновей к матери в самом деле имела место, а вот тщательно подавляемая неприязнь адресовалась вовсе не ее половому партнеру – отцу, а дяде! Натороженность, враждебность, порой переходящая в агрессию (но при этом, повторим, глубоко укрытая в подсознании) адресовалась носителю определенной – директивной – социальной роли, тому, кто был вправе приказать, вынести строгую оценку и даже наказать. А вот какая бы то ни было сексуальная подоплека этого явления совершенно не просматривалась. Так может быть, ее и нету вовсе?!

Иного, отличного от фрейдистского подхода к детско-родительским отношениям придерживается Эрих Фромм, которому также не откажешь в проницательности. (Его концепция менее известна, чем фрейдистская, но также весьма популярна.) Анализируя разные формы любви, Фромм приходит к выводу о существовании двух типов родительской любви к детям – любви материнской и отцовской. Отцовская любовь более взыскательна и справедлива: ребенка любят за его достоинства и заслуги – не больше, но и не меньше. Материнская любовь безусловна, ей чужда объективность. Мать любит ребенка только за то, что он у нее есть, независимо от того, красив он или некрасив, сообразителен или бестолков... *(Невольно вспоминается еще один блестящий фильм – «Форест Гамп». Одна из его сюжетных линий – трогательная любовь одинокой матери к умственно отсталому сыну-инвалиду. Ее постоянное назидание: «Запомни, Форест, – ты ничем не хуже других!» Кстати, еще один сюжетный поворот связан с инцестом – поклон доктору Фрейду!)* Разумеется, формула Фромма относится скорее к идеальным типам, реальное родительское поведение располагается в некотором промежутке между ними.

По мнению Фромма, с которым трудно не согласиться, любой человек для нормального развития нуждается и в материнской, и в отцовской любви. Любой крен в сторону одного типа любви – материнской или отцовской – ведет к искажению мироощущения и нарушениям поведения. В самом деле, каждому из нас жизненно необходимо, чтобы хоть кто-то любил нас просто так, ни за что, такими, какие мы есть. Но, с другой стороны, если никто не укажет мне на мою слабость и не поощрит за реальные достижения, то как же мне узнать себе цену? Необходимо получать «позитивное подкрепление» за какие-то достоинства и успехи, иначе могу ли я быть уверен, что они у меня есть?

С этим подходом отчасти перекликается концепция стилей семейного воспитания, многократно воспроизведенная в разных источниках без указания авторства, а реально восходящая к идеям Альфреда Адлера (который, кстати, порвал с Фрейдом из-за несогласия с

его апологией сексуальности). В разных работах под разными названиями фактически выделяются три основных стиля семейного воспитания, которые можно определить как авторитарный, либерально-попустительский и демократичный. С известными оговорками, отцовский тип родительской любви можно соотнести с авторитарным типом воспитания – в том и другом случае имеет место обусловливание любви исполнением родительских ожиданий и требований, то есть ребенок хорош, если он «хорошо себя ведет». Материнский тип любви условно можно связать с либерально-попустительским стилем – как бы ребенок себя ни вел, он все равно хорош. Понятно, что идеалом выступает «золотая середина» – демократичный стиль, чуждый полярных крайностей.

Данная концепция, хотя она, как и любое обобщение, требует уточнения в конкретных случаях, легко подтверждается многочисленными жизненными примерами. Проанализировав конкретную ситуацию, можно установить, к какому воспитательному стилю тяготеет та или иная семья.

Использование любого из этих подходов, каждый из которых, безусловно, содержит рациональное зерно, позволяет кое-что понять в специфике того или иного конкретного случая социализации с его проблемами и «заусенцами». Беда в том, что ни один подход, по своему уязвимый для критики, не позволяет исчерпывающе проанализировать конкретный случай, неизбежно сужает рамки психологического анализа (не путать с психоанализом!). А что если попробовать, опираясь на бесспорные аспекты каждого подхода, найти их перекличку и взаимосочетание, с тем чтобы найти новый подход – пускай тоже не исчерпывающий, но по крайней мере более продуктивный?

К. Г. Юнг (которому сексуальная акцентуация Фрейда претила настолько, что и он с ним разошелся) поучал своих последователей: «Внимательно изучайте теории, но при столкновении с конкретным человеком отбрасывайте их все, потому что ему необходима своя теория». Но такая индивидуальная теория может сложиться только на основе изученных и отброшенных, другого материала для нее нет. Попробуем же с опорой на классические теории, а также на собственный житейский опыт продвинуться чуть дальше в понимании механизмов семейной социализации.

Помню, несколько лет назад, пытаясь уладить очередную ссору сына и дочери (антагонизм брата и сестры – явление столь же обыденное, сколь и мало изученное, еще одна неисчерпаемая тема для психологических изысканий), я столкнулся с провокационным вопросом, который бесхитростно задал мне маленький сын: «Скажи, папа, кого ты больше любишь – меня или Лизу?» Тогда мне показалось, что я нашел очень удачный ответ: «А ты, сынок, какую свою руку больше любишь – правую или левую?» Ответ оказался отнюдь не самым удачным, ибо мой левша быстро нашелся: «Честно говоря, левую, ведь я все ей делаю». Пришлось импровизировать дальше: «Ну, а какая рука сильнее болит, если ее поранить?» Судя по возникшему замешательству, морализаторский эффект был наконец достигнут. Но в моей собственной душе этот диалог породил противоречивые чувства, ибо высветил внешне не очевидный факт – при том что за обоих «душа болит» одинаково, отношение все-таки разное. И впоследствии мне довелось столкнуться со множеством примеров, когда самые разные люди (как с родительской, так и с детской позиции) подтверждали: отношение отца (и матери) к своим детям не одинаково, более того – похоже, подчиняется определенной закономерности, которая в свою очередь сильно напоминает фрейдистскую конструкцию. Иными словами, вопрос: «Кого ты больше любишь?» – однозначного ответа не имеет, однако и отец, и мать любят сына и дочь по-разному.

В семье, где растут мальчик и девочка, отношение мамы к дочери отличается большей взыскательностью, тогда как отношение отца скорее покровительственное и либеральное. В отношении сына имеет место зеркальная противоположность – отец к нему более требователен, мать – снисходительна. То есть, в терминах Фромма, отец демонстрирует «отцовскую»

любовь прежде всего к сыну, к дочери – скорее материнскую, мать – наоборот. Для этого явления, подтверждаемого множеством примеров, у любого психоаналитика уже готово объяснение (см. выше), которое, однако, морально здоровому человеку просто претит. То есть, похоже, явление действительно имеет место. В некоторых случаях – безусловно, патологических – оно наверное полностью покрывается фрейдистской трактовкой. В остальных трактовка, вероятно, должна быть иной. И для нее нет никакой нужды привлекать понятия извращенной сексуальности. Достаточно проанализировать эту ситуацию в терминах социальных ролей.

Мать сама была девочкой. Она знает, что значит быть хорошей девочкой (хотя сама едва ли была ею на 100 %). Поэтому ее восприятие дочери более окрашено личным пристрастием. В восприятии сына она опирается на абстрактное представление о хорошем мальчике, то есть на представление, лично не прочувствованное, не пережитое. Поэтому ее отношение к сыну в известном смысле более нейтрально (насколько это слово вообще применимо к материнским чувствам). То же касается и отца, только наоборот.

К тому же, не отдавая себе в том отчета или даже открепиваясь от этого, любой отец видит в сыне непосредственное продолжение себя самого; сыну надлежит преодолеть отцовские слабости, избежать отцовских ошибок, приумножить отцовские достижения. Естественно, в отношении дочери такая проекция затруднительна, если вообще возможна. На нее эти чувства проецирует мать.

Объяснение, похоже, вполне исчерпывающее и не требующее привлечения никаких эротических мотивов.

Не будем, однако, забывать, что большинство современных семей, особенно городских, составляют семьи однодетные, и для них означенный механизм имеет свою специфику. В семье, где растет единственная дочь, отцу в отсутствие сына волей-неволей приходится проецировать свои установки на нее (хотя отдать себе в этом отчет еще труднее, чем в случае с сыном). В результате в такой семье начинает преобладать отцовский тип любви, причем со стороны обоих родителей. Это легко может вылиться в авторитарный стиль воспитания, по крайней мере для единственной дочери вероятность этого наиболее высока. Для единственного сына в современных условиях, когда многие отцы фактически устранились от дела воспитания, выше вероятность столкнуться с либерально-попустительским стилем.

Там же, где в семье подрастают и сын и дочь, оба они, каждый по-своему, вероятно испытывают на себе противоречивый стиль воспитания, неодинаковое отношение со стороны родителей. В норме в этом нет ничего дурного, ибо, возвращаясь к идее Фромма, человеку для личностного роста необходимо отношение того и другого рода. Если родительские позиции не заострены до крайности, их сочетание и дает тот вектор, который и обеспечивает полноценное развитие.

В случае же однополых детей, вероятно, начинает действовать другая закономерность. Отношение к ним также не одинаково, как бы родители это ни отрицали. Но явное или неявное предпочтение одного перед другим определяется с отцовской позиции очевидным реальным превосходством достоинств и достижений, а вот с материнской, наверное, даже наоборот – более тесная привязанность возникает к более слабому, достойному большего сочувствия. Впрочем, эта конструкция скорее гипотетическая, и кто-то еще заслужит ученую степень на ее опытной проверке.

Нелишне в этой связи упомянуть о таком, увы, широко ныне распространенном типе семьи, как семья неполная, где ребенок воспитывается одной матерью (отец-одиночка – явление столь редкое и экзотическое, что при широком обобщении может даже не приниматься во внимание, хотя частных исследований, конечно, заслуживает). Очень часто в этой ситуации мать вольно или невольно стремится восполнить для ребенка отсутствие отца попыткой совмещения органично присущей ей материнской роли и роли отцовской.

Не говоря уже о том, что для одного человека это задача крайне трудная, почти непосильная, даже попытка ее решения в итоге оборачивается противоречивым стилем воспитания, в котором директивные нотки перемежаются умилением. А поскольку такая перемена трудно предсказуема (по крайней мере, от самого ребенка мало зависит), это чревато для растущего человека трудностями в самоопределении и формировании адекватной самооценки. Следует также лишний раз отметить, что такая ситуация может внешне походить на описанные Фрейдом комплексы, однако при непредвзятом рассмотрении оказывается вполне объяснима без всякой сексуальной подоплеки.

Все означенные тенденции приобретают особую роль в подростковом возрасте, определяя специфику протекания так называемого пубертатного кризиса. Ребенок, растущий в атмосфере преобладающей «материнской» любви и либерального стиля воспитания, оказывается в затруднении на этом серьезном этапе личностного самоопределения. Ему недостает объективной, взыскательной оценки его качеств, его успехов на пути взросления. Более того, семья, тяготеющая к «материнскому» стилю, невольно стремится воспрепятствовать взрослению, так как ее привычный подход к зрелой личности плохо применим. В результате нередко экстремальные, извращенные формы самоутверждения, словно призванные компенсировать аморфность семейной среды. Однако, в отдаленном итоге, такой семье фактически удастся добиться своего (хотя никто и не признает, будто такая цель ставится): ребенок, переболев «детской болезнью» пубертатного бунтарства, так и не взрослеет по-настоящему – не имел возможности усвоить, перенять извне механизмы волевой саморегуляции, он на долгие годы, порой на всю жизнь остается инфантильно беспомощным, заслуживающим лишь либерального отношения, но не выдерживающим никакого другого.

«Отцовский» стиль также чреват обострением кризиса. Поскольку он довольно жестко задает определенные требования и нормы, для подростка велик соблазн ради самоопределения и обретения автономии отвергнуть эти нормы, найти им вызывающую альтернативу. Если требования строги и противиться им небезопасно, весьма вероятен острый внутренний конфликт.

Важно также лишний раз подчеркнуть, что подмеченные таким образом закономерности являются скорее гипотетическими и еще требуют обоснования и проверки. Более того, редкая семья соответствует им на 100 %, индивидуальные вариации, вероятно, очень значительны. Это, в частности, зависит от распределения супружеских и, соответственно, родительских ролей. Например, отнюдь не редкость авторитарная мать, выступающая фактическим главой семьи и в силу этого транслирующая «отцовский» стиль на детей, в том числе и на сына.

Тем не менее, учет этих закономерностей с поправкой на конкретную семейную ситуацию может позволить более тонко разобраться в источниках детских проблем.

Между прочим

Нездоровая английская мода

В Англии среди молодых родителей все более популярными становятся курсы обучения младенческому языку. Имеется в виду язык жестов и звуков, с помощью которых еще не умеющие говорить малыши пытаются выразить свои желания. Однако большинство педиатров и лингвистов настоятельно не рекомендуют следовать английской моде. Они утверждают, что чрезмерное увлечение так называемым детским языком приведет к тому, что ребенок может вообще не заговорить – ему не у кого будет перенимать новые слова. Ведь полноценное устное общение – очень важный компонент в освоении

языка детьми. Кроме того, врачи считают, что нормальная любящая мать и без всяких дополнительных навыков может понять, чего хочет ее ребенок.

Маменькины дочки, папины сынки

О воспитании детей написано множество книг. У каждой из них есть свои достоинства и недостатки, но есть нечто общее, что объединяет почти все популярные пособия для родителей. Правильнее было бы сказать, что это книги не о воспитании детей, а о воспитании ребенка, ибо речь о нем – воспитуемом – всегда идет в единственном числе, словно все без исключения семьи однодетны. Но это не единственный «перекос». О воспитании, как правило, пишут, употребляя слова лишь мужского рода: раз ребенок, значит – он. И получается, что все педагогические рекомендации даются родителям единственного сына.

А как быть, если ребенок не единственный?

Казалось бы, чего проще – с рождением следующего ребенка взять и последовать повторно уже усвоенным принципам. А правила, приложимые к воспитанию мальчика, можно применить и к девочке, как мажем мы царапины у того и у другого зеленкой из одного флакона. Родителей, которые растят и сына и дочь, такая стратегия едва ли устроит. Для них слишком очевидно, что разнополые дети требуют разного подхода. Невольно возникает проблема предпочтения, которую сами взрослые остро переживают и боятся дать почувствовать детям. К тому же взаимоотношения детей, связанные с различием полов, складываются весьма своеобразно и требуют особых форм родительского участия. При всем обилии популярной литературы полезных советов на эту тему в ней не сыскать. Так что попробуем разобраться в подобной семейной ситуации (сегодня весьма распространенной), чтобы хоть отчасти восполнить этот пробел.

Современная наука еще не достигла таких высот, чтобы пол ребенка можно было заранее спланировать. И родители, едва узнав о предстоящем прибавлении семейства, долго терзаются догадками: мальчик или девочка? У родных и знакомых при этом часто возникает вопрос: «А кого бы вы хотели?» Ответы можно услышать самые разные. Однако, если верить наблюдениям психологов, будь ответы абсолютно искренними, то большим разнообразием они не отличались бы. Конечно, бывают особые ситуации, продиктованные какими-то специфическими обстоятельствами жизненного опыта родителей. Но в целом родительские ожидания подчиняются (часто неосознанно) определенному сценарию.

Каждый из нас независимо от религиозных убеждений видит в своих детях единственный реальный залог своего бессмертия. И пусть это не покажется громкими словами. Ведь, давая жизнь ребенку, мы в буквальном смысле наделяем его частицей самих себя и видим его жизнь как продолжение нашей. Мы стремимся наделить его нашим опытом, чтобы он сумел преумножить наши достижения и избежать наших ошибок. При этом невольно происходит то, что психологи называют идентификацией, то есть уподоблением: мы придирчиво отмечаем в малыше наши собственные черты и от души радуемся его попыткам походить на нас, перенимать наши представления. Понятно, что такого рода отцовские установки естественным образом проецируются на сына, а материнские – на дочь. Мужчина, еще не имеющий детей, но заявляющий, что желал бы рождения дочери, скорее всего либо не очень искренен перед окружающими и даже перед самим собой, либо он являет собой действительно редкое исключение, порожденное какими-то особыми обстоятельствами. Но в подавляющем большинстве случаев в ожидании первенца мужчина невольно думает о рождении сына. Женщина часто подстраивается под эту отцовскую установку и, желая порадовать отца, также заявляет, что хотела бы рождения сына. Тем не менее ее глубинные ожидания неосознанно связаны с будущей дочкой, преемницей ее женского существа.

Ожидание второго ребенка не связано с таким напряжением, потому что глубинные установки одного из родителей уже удовлетворены. И часто оба родителя, хоть и по разным причинам, но совершенно искренне желают, чтобы второй ребенок был другого пола, чем

первенец. Так нередко и происходит. Казалось бы, всеобщее удовлетворение гарантировано. Однако такая ситуация порождает множество проблем, и главная из них – неравенство отношений.

Было бы ошибкой заключить из всего сказанного, что отцы больше любят сыновей, а матери – дочерей. Правильнее сказать, что отношение родителя к ребенку одного с ним пола более взыскательно, более пристрастно – пускай и в самом положительном смысле слова.

В практике воспитания это выливается в неявное подразделение семьи на пары. Так или иначе воспитательные воздействия одного из родителей сосредоточиваются главным образом на одном из детей. Это не всегда сочетания по признаку пола. Фрейдисты, наоборот, считают естественным тяготение сына к матери, а дочери к отцу. Но реальная жизнь плохо укладывается в теоретические схемы – фрейдистские или какие угодно иные. «Маменькина дочка» – не менее частое явление, чем «маменькин сынок», и т. п. Все зависит от того, какие глубинные установки – личностные, мировоззренческие, а значит, и воспитательные – проецирует родитель на ребенка.

Может показаться, что перед нами предстает какая-то патологическая картина искаженных семейных отношений. Так и хочется возразить, что все дети независимо от пола в равной мере достойны родительской любви. Но если отбросить патетику, становится ясно, что именно описанная схема является оптимальной для личностного развития каждого ребенка. Наоборот, стремление к абсолютному уравниванию чувств и отношений ведет к сумятице в детских головах. Если мальчику начинает казаться, что со стороны и папы, и мамы отношение к нему совершенно одинаковое, причем такое же, как к сестре, то чем тогда он вообще отличается от сестры? Тем более что одинаковость чувства почти тождественна отсутствию чувства, ибо чувство не адресовано ребенку персонально. Каждому человеку необходимо, чтобы любили именно его. Если родительская любовь «по справедливости» делится пополам, то каждый ощущает на себе лишь ее половину, а этого никому не бывает достаточно.

Отцовская любовь к сыну более требовательна, к дочери более покровительственна. Мать, наоборот, скорее склонна баловать сына и больше притязаний предъявлять дочери. Такая ситуация вполне нормальна, если особенности характера родителей не приводят к ее нездоровому заострению. Именно такая расстановка сил способствует формированию мужских черт у мальчика и женских – у девочки. Мальчик, испытывающий аморфный либерализм отца и жесткую авторитарность матери, рискует вырасти никудышним мужчиной. А из девочки, которую отец подстегивает, а мать мягко обволакивает, скорее всего получится странное создание с мужскими притязаниями, не подкрепленными реальной мужской силой.

Родителей часто тревожит, что их отношение к сыну и к дочери неодинаково. Но это вовсе не повод для беспокойства, если только речь не идет о явном предпочтении одного и отвержении другого. Надо отдавать себе отчет, что перед нами разные люди – будущий мужчина и будущая женщина, и отношение к ним невозможно уравнивать. И не надо пытаться наделить каждого половинкой своей родительской любви. И сыну, и дочери нужна любовь целиком. Но каждому – своя.

Отцовская роль

Помнится, герой популярного мюзикла, предвкушая встречу с женщиной своей мечты, видел свое будущее счастье в том, «чтоб дочки на нее похожи были, а сыновья похожи на меня». А на кого в действительности похожи наши дети? Совсем недавно ученые с помощью сложных компьютерных расчетов установили, что в годовалом возрасте большинство детей больше похожи на отцов, однако по прошествии пяти-десяти лет эта схожесть перестает бросаться в глаза, и подростки уже мало похожи как на отца, так и на мать, являя совершенно особые черты внешности, в которых, правда, легко уловить какие-то характерные черточки обоих родителей.

Гораздо важнее, впрочем, в какой мере «наследуют» дети психологические особенности своих родителей. Ведь характер человека, его привычки, вкусы, манеры и склонности – все то, что психологи называют стилем поведения, – закладываются воспитанием, то есть родительским наставлением и примером. Тому, кто больше вложит, и принадлежит приоритет в формировании характера потомков. Коли мало вкладываешь, довольствуйся тем, что ребенок похож на тебя хотя бы цветом глаз и формой носа. Увы, для большинства современных отцов это остается единственным утешением. «Сами виноваты!» – скажут многие. Особенно матери, утомленные повседневными родительскими заботами, которые отцы не очень-то торопятся с ними делить. И будут правы, хотя лишь отчасти. Упреки в адрес мужчин стали уже банальностью, поэтому попробуем взглянуть на эту проблему пошире и по возможности непредвзято.

В середине 50-х годов в США вышла книга под характерным названием «Отцы – тоже родители». Самим названием авторы несмело намекали, что на надо, мол, совсем сбрасывать со счетов мужчину в воспитательном плане: может быть, он и не такой хороший воспитатель, как мать, но все-таки...

Времена меняются. Не похоже, однако, чтобы изменилась эта робко-просительная интонация. Если подсчитать количество научных публикаций (не говоря уже о популярных изданиях и публицистике), то число работ о роли матери в воспитании детей примерно вдесятеро превышает число работ об отцовстве. Большинство книг для родителей фактически адресованы матерям. Тем самым неявно подразумевается, что роль отца вторична.

Влияние семьи на ребенка обычно рассматривается как влияние матери. В школу на родительские собрания приходят в основном женщины – матери и бабушки. До последнего времени, если ребенок болел, больничный лист по уходу получала мать, и лишь совсем недавно такое право было даровано отцу. При разводе ребенок решением суда практически всегда остается с матерью, которая, к тому же, легко может воспрепятствовать его последующим встречам с отцом. Те, кто помнят оscarоносный американский фильм «Крамер против Крамера», понимают, что дело не в юридических тонкостях, а в укоренившейся установке: мужчина не предназначен, не приспособлен воспитывать ребенка.

Поколение современных мужей и отцов сформировалось в атмосфере катастрофической утраты отцовского авторитета. Плохо то, что рецепты выхода из этого кризиса скорее углубляют его. Феминистки призывают отцов «справедливо» разделить с матерями родительские обязанности. Для мужчин это фактически означает стать ребенку второй мамой. Но ведь, по большому счету, мама ребенку нужна одна, две – это вредный избыток. А вот отсутствие отца (даже при его формальном наличии) – это уже беда. Причем – весьма характерная для нашего современного общества. О расслоении общества сегодня много говорят и пишут, главное в этом расслоении – размежевание людей (прежде всего – мужчин) на преуспевших и неудачников в деловом отношении. Увы, в семейном кругу неудачниками часто оказываются и те, и другие. Отец, неспособный свести концы с концами, не может дать

ребенку положительного примера, потому что у него нет материальных оснований для подлинного авторитета. Однако отец, способный обеспечить деликатесы и круизы, обычно оказывается настолько погружен в свои деловые заботы, что о собственном дитяти вспоминает зачастую лишь тогда, когда того похитят рэкетеры. Это, конечно, крайности, однако именно к этим крайностям более или менее тяготеет поведение большинства современных отцов. Матери по-своему стремятся заполнить вакуум, но отцовская роль им явно не по силам. Столкнувшись с трудностями, родители обращаются за советом к психологу-консультанту. Увы, давать советы легко, следовать им трудно. К тому же на каждый совет требуется еще десяток персональных пояснений. Тем не менее, опираясь на опыт многих семей, рискну высказать несколько небесполезных соображений.

1. Семейное воспитание – это разумное совмещение отцовской и материнской позиции. Мужчина, считающий воспитание сугубо женским делом, является отцом лишь формально и не должен удивляться, что ребенок растет не таким, каким хочется ему. Если желаете получить результат, позаботьтесь о его достижении!

2. Справедливое распределение семейных обязанностей, в том числе и воспитательных, – личное дело супругов. Главное – не соответствие какой-то книжной модели, а семейная гармония, которая в принципе невозможна, если чей-то вклад равен нулю.

3. Трудно сформировать у ребенка качества, которыми сами родители не обладают. Ожидать мужественности от сына инфантильного отца не более реалистично, чем ждать от мышонка тигриной доблести. Пусть отец подумает о том, чтобы быть сыну достойным примером.

4. Вполне естественно, что мать и отец любят ребенка по-разному, и это различие – не повод для взаимных упреков. Беда, если любовь не проявляется вообще никак: ее просто необходимо демонстрировать на деле.

И, наконец, самое главное. Приготовьтесь к тому, что ребенок будет мало похож на вас. Ему предстоит прожить свою жизнь, учиться на своих ошибках и решать собственные проблемы. Пусть ваш наследник состоится как цельная личность, а не как приблизительная (пусть даже улучшенная) копия папы.

Старший, младший, единственный

В Англии говорят: «Вся история этой страны написана младшими сыновьями». При этом имеют в виду старинный закон (существовавший, кстати, и во многих других странах), согласно которому имущество, капитал и привилегии безраздельно доставались по наследству старшему сыну, а младшим приходилось самим устраивать свою судьбу. Понятно, что старшие больше стремились сохранить унаследованное, тогда как младшие искали для себя новые, порой рискованные предприятия и нередко в них преуспевали. Например, многие историки полагают, что подлинной причиной Крестовых походов – эпохального явления мировой истории – явился именно майорат – закон о неделимости наследства. И большинство рыцарей-крестоносцев составили младшие отпрыски, вынужденные искать свое счастье в богатых заморских землях. А в центре старой Риги по сей день сохранился Дом Черноголовых, украшенный рельефом св. Маврикия (который, по преданию, был мавром – чернокожим – и к тому же младшим сыном своих родителей). Этого святого избрало своим покровителем Братство Черноголовых – младших сыновей знатных семейств. Именно они во времена майората своими деловыми начинаниями обеспечили процветание Ганзы – союза балтийских торговых городов.

Научное объяснение этой тенденции недавно предложил британский исследователь Фрэнк Салауэй. Он, правда, вовсе не историк, а профессор психологии Гарвардского университета, потому и объяснение его сугубо психологическое. Салауэй полагает, что в любой семье на старшего ребенка родители вольно или невольно возлагают обязанности по опеке младшего, и поэтому ему приходится в какой-то мере выступать в роли хранителя традиционных родительских ценностей. В результате старшие дети, как правило, отличаются консервативностью, недостаточной гибкостью. Они стремятся сохранить существующий порядок вещей и противятся переменам. Младшие, наоборот, самой своей ролью в семейной иерархии побуждаются к новаторству и даже радикализму. По мнению британского психолога, именно младшим детям принадлежат революционные инициативы в науке и общественной жизни. Примеров тому – множество. Коперник, перевернувший представления о мироздании, был вторым из четырех детей в семье. Чарлз Дарвин – автор теории эволюции – был младшим из шестерых детей своих родителей. А вот Жорж Кювье, выступавший против эволюционного подхода, был перворожденным. В общественно-политической жизни Салауэй находит ту же картину.

Однако, как любая психологическая теория, гипотеза Салауэя не может убедительно объяснить многие противоречащие ей примеры и факты. Так, мало кто из ученых был столь революционен в своей области, как Ньютон, Эйнштейн или Фрейд. Однако все они – старшие сыновья. В. И. Ленин – крупнейший революционер XX века – действительно, младший сын, но следовал он все же примеру старшего брата Александра – заговорщика-террориста. И таких контраргументов можно найти немало.

Фрэнк Салауэй – сам третий сын у своих родителей и, судя по его выкладкам, должен быть склонен к радикализму. Похоже, он действительно кое-что преувеличил. Палитра личных склонностей и стремлений человека складывается под влиянием множества обстоятельств. Очередность рождения, вероятно, – не главный и уж наверняка не единственный фактор. Но нельзя не согласиться, что этот фактор играет определенную роль. Интересно – какую? К сожалению, психологические исследования этой проблемы весьма немногочисленны. Тем не менее существует ряд вполне достоверных наблюдений, позволяющих сделать кое-какие выводы. Важно лишь подчеркнуть, что эти выводы носят довольно общий характер и к конкретному человеку приложимы в большей или меньшей степени.

Говоря о положении ребенка в семье, начать наверное следует с наиболее распространенной ныне ситуации, когда ребенок в семье – **единственный**. Фактически он оказывается и самым старшим, и самым младшим ребенком в семье. Но его положение – это не сумма их свойств, оно очень своеобразно. Для отца и матери он выступает единственным объектом их родительских чувств, всецело принимая на себя как симпатию, так и (что тоже не исключено) неприязнь. В единственном ребенке родители желают видеть свое продолжение, воплощение своих устремлений. Они всячески поощряют его познавательное развитие, радуются его успехам, и это стимулирует все новые достижения. Желая оправдать надежды родителей, единственный ребенок стремится к совершенству во всех своих начинаниях. Но это чревато и серьезной психологической проблемой, поскольку далеко не всем совершенство достижимо, а неизбежные неудачи воспринимаются очень болезненно.

Проблема состоит и в том, что, привыкнув к своему исключительному, «монопольному» положению, единственный ребенок с трудом изживает естественный детский эгоцентризм и зачастую до зрелых лет остается инфантильно сосредоточенным на собственной персоне. Поскольку он не привык к близкому общению с другими детьми, он порой не знает, как вести себя в межличностных отношениях. Ему бывает трудно понять нормальные изменения в настроении другого человека, так как единственной точкой отсчета он привык считать самого себя. Неудивительно, что единственные дети нередко бывают избалованными, капризными, чрезмерно требовательными.

В воспитании единственного ребенка родителям надо учитывать эти его особенности и стараться не культивировать в нем самососредоточенность и эгоцентризм. Важно ставить перед растущим человеком достаточно высокие, но не завышенные требования, помогать ему справляться с неудачами. Общение с близкими взрослыми – отцом и матерью, бабушками и дедушками – для нормального развития личности совершенно необходимо, но недостаточно. Надо, чтобы ребенок с малых лет приобретал опыт общения со сверстниками, иначе впоследствии ему трудно будет уживаться с людьми.

Старший ребенок некоторое время занимает в семье положение единственного. Впоследствии, когда для него уже стала привычной такая привилегированная позиция, однажды появившийся новорожденный вдруг отвлекает от него внимание родителей. Причем родительское внимание даже не делится надвое, а по большей части адресуется младшему. Если к этому моменту первенцу еще не исполнилось пяти лет, появление в семье второго ребенка становится для него травмирующим переживанием. После пяти-шестилетнего возраста старший уже не так зависим от родительского участия, многие его интересы выходят за рамки отношений с родителями. Поэтому его права меньше ущемляются «пришельцем».

Когда второй ребенок другого пола, негативная реакция первого не столь драматична, поскольку отсутствует прямое сравнение и соперничество.

Если старший ребенок того же пола, что и младший, то он изо всех сил старается быть хорошим в глазах родителей, чтобы они продолжали любить его, как прежде или по крайней мере сильнее, чем новорожденного. Родители неосознанно поощряют эти старания, давая старшему понять, что он (она) больше и умнее новорожденного, хотя свое внимание уделяют преимущественно малышу. Таким образом у старшего поощряют рассудительные и логичные высказывания, продуктивные и целесообразные действия, а это не может не сказаться на всем его умственном развитии. Широкомасштабное тестирование выявило, что старшие дети в целом имеют более высокий коэффициент интеллекта, чем их младшие братья и сестры. Из этого явно следует, что интеллект не столько наследуется от родителей, сколько формируется соответствующими условиями воспитания (ведь генетически братья и сестры очень схожи; различаются лишь родительские требования и ожидания).

Отец и мать также надеются, что старший ребенок будет подавать хороший пример младшему и примет участие в уходе за ним. В результате старший обычно приобретает мно-

гие родительские качества: он умеет быть наставником, способен принимать на себя ответственность и выполнять роль лидера. Груз этой ответственности порой оказывается для маленького человека слишком тяжел: у него формируется повышенная тревожность. Он все время стремится к совершенству, опасаясь ошибиться и расстроить родителей (а впоследствии – и других людей, преувеличивая их авторитет).

Ориентация на высокие достижения обычно приводит к тому, что старший ребенок меньше склонен к играм и больше – к серьезным занятиям, к которым он относится очень добросовестно. Из-за привычки рассчитывать только на свои силы и идти своим путем, а также из-за чрезмерной серьезности старшие дети порой испытывают трудности в приобретении друзей. Они обостренно чувствительны ко всякой критике, которую часто расценивают как унижение. Но и сами бывают чересчур критичны и нетерпимы к чужим ошибкам.

Родителям необходимо помнить: появление в семье второго ребенка для первенца событие не столько радостное, сколько драматичное. Ведь его собственная роль резко меняется, а требования к нему возрастают. Поэтому надо позаботиться, чтобы такая перемена не стала слишком уж резкой, а требования – чрезмерными. Роль хранителя семейных традиций не вполне по силам маленькому человеку. И если он все же всецело примет ее на себя, то рискует стать слишком консервативным. Хорошо, когда старший помогает в воспитании младшего. Но нельзя забывать, что и сам он еще мал и нуждается в родительской заботе. Особенно – в ситуациях, чреватых стрессом, поскольку он к ним обостренно чувствителен.

Младший ребенок, как и единственный, оказывается избавлен от психической травмы в связи с появлением новорожденного. Для всей семьи он – малыш. Причем с этим ощущением он может жить очень долго, сохраняя некоторый инфантилизм даже в зрелые годы. Он привыкает ожидать от жизни только хорошего и поэтому оказывается великим оптимистом. Ему уделяется основное внимание и прощается больше, чем другим. Родители, неосознанно сопоставляя возможности старшего и младшего, ожидают от младшего ребенка гораздо меньше и поэтому оказывают на него меньшее давление. Это не самым лучшим образом сказывается на его познавательном и личностном развитии. Нередко он лишен самодисциплины и сталкивается с трудностями в принятии решений. Даже во взрослой жизни младший ребенок продолжает ожидать, что другие – например, супруг или супруга – возьмут на себя груз его проблем.

Тем или иным образом младший всю жизнь старается догнать старших, но преуспеть может только благодаря своим собственным склонностям, избрав совершенно иное поле деятельности и жизненный стиль. С малых лет он понимает, что в столкновении с более сильным старшим ребенком агрессивностью ничего не добьешься, и поэтому вырабатывает у себя ценные коммуникативные навыки – умение согласовывать, договариваться, идти на компромисс. Наверное, именно по этой причине младшие дети более популярны среди сверстников, имеют больше друзей и умеют ладить с людьми.

К рождению младшего ребенка родители подходят, как правило, более спокойно, поскольку опыт воспитания старшего сгладил многие их опасения и тревоги. Но это чревато и снижением требовательности, и как следствие – недостаточной стимуляцией развития младшего.

Как это ни покажется странным, наиболее проблематична роль **среднего ребенка** в семье. Он не имеет возможности обрести роль лидера, уже монополизированную первенцем, но и освоиться в роли опекаемого малыша, рожденного последним, тоже не успевает. Исследования, проведенные на многодетных семьях, показали, что любимцами родителей являются, как правило, либо старший, либо младший ребенок, но почти никогда – средний. Он вынужден постоянно соперничать как с более сильным и умелым старшим, так и с беспомощным и зависимым младшим. Лишенный привилегий того и другого, он с детства свыкается с несправедливостью жизни, а это порой приводит к возникновению заниженной само-

оценки. Стремление походить то на старшего, то на младшего при водит его к большим трудностям в самоопределении. В результате в зрелом возрасте средние дети менее способны проявлять инициативу, меньше других заинтересованы в достижении успеха. Вместе с тем средние дети умеют хорошо вести дела с разными людьми, поскольку были вынуждены научиться ладить со всеми. Поэтому они дружелюбны и, повзрослев, стремятся выбрать профессию, требующую умения вести переговоры, тактичности и не слишком большой напористости.

Вместе с тем, недостаток внимания, который испытывает в семье средний ребенок, иногда заставляет его проявлять себя неожиданным, даже не слишком благовидным способом с единственной целью – привлечь к себе интерес близких. Многие нарушения в поведении средних детей устраняются отнюдь не пресечением их шалостей и дерзостей, а возмещением дефицита внимания со стороны родителей.

Во всех приведенных описаниях намечены лишь некоторые общие тенденции, которые не обязательно должны полностью воплотиться в том или ином ребенке. Но их, несомненно, следует иметь в виду, чтобы избежать возможных деформаций в развитии. Самое важное, что надо запомнить родителям, сколько бы у них ни было детей, – каждый ваш ребенок – единственный, и достоин уникального отношения к себе как к личности.

Мера заботы

Проделки Бабы Яги из детской сказки кажутся сегодня милыми шалостями на фоне тех кошмаров, которыми в изобилии потчуют нас телевидение и пресса. Создается впечатление, что кровожадный маньяк прячется за каждым кустом, вооруженные террористы бродят по улицам толпами. Прибавим к тому мчащиеся по дорогам машины, под которыми ежедневно гибнут люди. Да еще экологическая обстановка, когда что ни дождь – то кислотный. А посреди всего этого ужаса – наши дети, маленькие и беззащитные.

Современным родителям нелегко. Их собственное детство пришлось на ту благодатную пору, когда место криминальной хроники в газетах занимал дневник соцсоревнования. Конечно. И в те годы дети попадали под машины, ломали руки-ноги, а то и становились жертвами хулиганов. Но общественное настроение было гораздо спокойнее: неприятности рассматривались как исключительные инциденты на общем благополучном фоне.

С той поры жизнь переменялась. Много изменилось к лучшему, многое плохое ушло. Но нельзя отрицать, что ушла и бывшая уверенность в безопасности и благополучии наших детей. На смену ей пришла тревога.

Озабоченность родителей можно понять: для нее сегодня есть причины. Однако, слава Богу, серьезные несчастья все-таки редки. А вот многие психологические проблемы приняли характер эпидемии. Про современных детей говорят, что они трудные – нервные, агрессивные, раздражительные, подверженные всевозможным комплексам и неврозам. Имеет ли это какое-то отношение к озабоченности родителей? По мнению психологов – имеет, причем довольно неожиданное.

В последние годы в психологической литературе появился новый термин – гиперопека. Так называют чрезмерную заботу о детях, обостренное стремление оградить их от всех мыслимых и немыслимых опасностей. Казалось бы – благородное стремление. Однако зачастую оно принимает форму жесткого ограничения возможностей ребенка, неусыпного контроля над ним, обязывания поступать строго определенным образом. Результат достигается парадоксальный: ребенок заражается несвойственной его возрасту тревогой, становится подозрителен и недоверчив, а главное – удручающе пассивен и зависим. Он начинает сознавать себя бессильной пылинкой, потенциальной жертвой. Его инициатива и активность резко снижаются. Возникает так называемая выученная беспомощность, когда любое препятствие воспринимается как непреодолимое.

Конечно, легкомыслие в воспитании недопустимо. Однако психологи всё настойчивее предостерегают и от противоположной крайности. Тем более, что зачастую гиперопека по своей психологической природе продиктована не реальной угрозой, а собственными внутренними конфликтами родителей. Обращает на себя внимание, что взрослые, в силу каких-то причин лишенные социального признания и не удовлетворенные своим положением, бессознательно стремятся компенсировать этот недостаток формированием пассивной зависимости у своих детей. В конце концов, если не удастся реализовать себя никак иначе, остается беспроектный вариант – выступить в роли исключительного авторитета и опоры для маленького человека.

Замечено также, что чрезмерной опеке чаще подвержены дети из неполных семей, а также из таких, где царит прохладная эмоциональная атмосфера. Обостренная тревожность чаще свойственна матерям, которые испытывают явный или скрытый дефицит любви и эмоциональной поддержки. Стремясь компенсировать этот дефицит, они склонны «привязывать» к себе ребенка, не отпускать его от себя. Потребность в постоянном присутствии ребенка становится своего рода ритуалом, уменьшающим беспокойство матери и прежде

всего ее страх одиночества. А в результате вырастают инфантильные подростки и юноши, шагу не способные ступить без мамы. Они так и не обрели способности мобилизовать себя в проблемной ситуации, самостоятельно преодолевать трудности.

Важно помнить, что нам, взрослым, недопустимо решать свои психологические проблемы, проецируя их на детей. Забота о детях – наш долг, но выполнять его следует разумно и умеренно.

Между прочим

Некрасивым быть опасно

Чем более симпатичен и привлекателен ребенок, тем более к нему внимательны и заботливы родители, а неказистый малыш оказывается вниманием обделен и вследствие этого даже подвергается большему риску. К таким неожиданным выводам пришел канадский исследователь Эндрю Харрел. Примечательно, что мистер Харрел – не психолог и не педиатр, а специалист по эргономике (науке об оптимальном соответствии технических устройств возможностям человека). Одним из предметов его разработок были товарные тележки для супермаркетов, которые следовало снабдить удобным и безопасным сидением для маленького ребенка – ведь многие мамы берут с собой малышей за покупками. Наблюдения за поведением родителей и детей вдохновили Харрела на оригинальный эксперимент. В 14 крупных супермаркетах провинции Альберта он провел видеосъемку поведения родителей с маленькими детьми, а потом предложил независимым экспертам оценить привлекательность заснятых детей по 10-балльной шкале. Результаты поразили исследователя. Выяснилось, что детей, получивших наивысшие баллы, родители гораздо чаще усаживали на тележку ради их безопасности, тогда как некрасивые дети чаще были предоставлены сами себе, им позволялось удаляться от родителей на большее расстояние и иногда вовсе скрываться от родительского взора.

Не искушенный в научных премудростях Харрел предлагает этому явлению безыскусное объяснение в духе дарвиновской теории. Вероятно, красивых детей родители расценивают как воплощение наиболее ценных качеств своего генофонда и потому больше ими дорожат. Некрасивые расцениваются скорее как «неудачный опыт» и заботы заслуживают меньше.

Наверняка большинство родителей воспримут эти выводы с негодованием. «Я люблю своего ребенка независимо от того, насколько он красив, – скажет любая мать. – К тому же для меня мой и есть самый красивый!».

«Возможно, на словах оно и так, – резюмирует Харрел. – Однако данные объективных наблюдений заставляют усомниться в честности этих слов».

Детская игрушка: развлечение или судьба?

Среди сенсационных сообщений о жизни и смерти титулованных особ почти незамеченной промелькнула краткая заметка в недавнем номере журнала «Тайм». В ней говорилось о том, что ушел из жизни человек, чье имя каждому из нас знакомо с малых лет, – Кристофер Робин Милн. Тот самый Кристофер Робин, которому его отец – английский писатель А. А. Милн – отвел заметную роль в сказке о Винни-Пухе. Наверное, это и явилось самым ярким приключением в жизни К. Р. Милна. По крайней мере на протяжении долгих лет он не давал никаких иных поводов вспомнить о себе. И лишь на склоне лет невольно подарил миру сенсацию. Не так давно на аукционе Сотби были выставлены редкие игрушки, среди которых особое внимание коллекционеров привлек старый плюшевый мишка. Он якобы когда-то принадлежал семейству Милнов и послужил прообразом знаменитого Винни. Дотошные корреспонденты разыскали бывшего хозяина мишки – Кристофера Робина, который сам давно успел стать дедушкой, и поинтересовались, как он относится к факту продажи столь ценной реликвии. Его ответ обескуражил миллионы поклонников доброй старой сказки. Кристофер Робин заявил, что мишка вовсе не его. Сам он, оказывается, мягких игрушек вообще не любил и не припомнит, чтобы когда-то играл с плюшевым медведем. Наверное, ради светлой памяти сказочника Милна упоминать этот факт вообще не следовало бы. Но, похоже, отношения отца и сына складывались неважно, и даже по прошествии лет сын не удержался от обескураживающей колкости. Конечно, это несколько не умаляет достоинств милой сказки. Но кое о чем заставляет задуматься. Писатель Милн выдумал особый сказочный мир, куда и поселил своего сына вместе с ожившими игрушками. А сын тем временем жил в совсем ином мире, не подвластном воображению отца. Он играл совсем с другими игрушками и в итоге стал, судя по всему, совсем не тем человеком, которого хотел воспитать папа Милн.

Не впадаем ли мы иной раз в подобную иллюзию? Мы оформляем мир наших детей по своему разумению, а потом, бывает, удивляемся их «неожиданным» желаниям и настроениям. Нас удивляет, отчего ребенок иной раз относится к дорогому подарку с непонятным равнодушием или с необъяснимым рвением предается игре, которая нам кажется совсем не интересной. А ведь, присмотревшись повнимательнее к детским играм, мы могли бы глубже и тоньше понять характер ребенка, отчасти предсказать его будущие увлечения и пристрастия, да и просто достичь большего доверия и взаимопонимания, так необходимого и родителям, и детям. Верно подмечено: «Мы поймем смысл всех людских занятий, если вникнем в суть развлечений» (Б. Паскаль). Впрочем, игра – это не только развлечение. Для ребенка это важнейшая часть жизни, а его игрушки – важнейшая часть окружающего материального мира. Играя, ребенок учится действовать и мыслить, и всякая манипуляция с игрушкой – прообраз его будущих отношений с миром. Повзрослев, ребенок научится более сложным действиям, его игрушки станут дороже и изощреннее. Но его мироощущение во многом останется тем же, что и в те далекие годы, когда он делал свои первые шаги. Почитайте жизнеописания великих людей. Если такие детали не ускользнули от внимания биографов, нетрудно заметить, что великий изобретатель с малых лет что-то мастерил из любого подручного материала, полководец водил в атаку войско оловянных солдатиков, архитектор свои первые постройки возводил из кубиков. Бывают и иные примеры. Печально знаменитый Филипп Испанский в детстве развлекался сожжением кукол и даже домашних животных. Прошли годы, и Европу затянул дым инквизиторских костров, зажженных повзрослевшим монархом.

Припомните, какие игрушки вы любили в детские годы. Психологи считают, что на этом основании многое можно сказать о характере взрослого человека. Попробуем и мы по

этому несложному признаку провести своеобразный психологический самоанализ. А обратив чуть более пристальное внимание на вкусы и предпочтения своего ребенка, сможем в какой-то мере предугадать и его жизненный сценарий.

Для начала обратим внимание на то, что игрушка – это предмет, несущий в себе знаково-символическую функцию. Во все времена и у всех народов почти любая игрушка выступала более или менее точным аналогом реальных предметов – инструментов, оружия, посуды и т. п. Маленький ребенок еще не в состоянии выполнить многие действия взрослых, но он может выполнить их понарошку, используя не реальные предметы, а своего рода их заместители. В качестве таких заместителей могут быть использованы самые разные предметы, даже если они по форме лишь отдаленно напоминают реальные. Например, карандашом можно не только рисовать, но и представить его в качестве градусника, кинжала, детали архитектурной постройки. Конечно, игрушки-копии предметов, существующих в быту взрослых, приобщают ребенка к этим предметам. Малыш познает их функциональное назначение, и это помогает ему психологически войти в мир настоящих вещей. Но не меньшее, а, пожалуй, даже большее развивающее значение имеют предметы с не столь выраженными функциональными свойствами. По сути дела взросление в том и состоит, что человек учится решать проблемы. А главная проблема – приспособить окружающий мир к удовлетворению своих нужд и запросов. Если приспособлять ничего не требуется, а надо лишь пользоваться, то и сам психологический механизм принятия конструктивных решений формируется с трудом. Эту особенность в редкой психологической наблюдательностью подметил сатирик М. Задорнов. В одном из своих монологов он заявил, что наши дети гораздо умнее, скажем, японских. Почему? Наши готовы приспособить для игры любой предмет, их воображение не сковано заданными формами. Например, играя в рыцарей, в качестве меча можно использовать обычную палку (как чаще всего и бывает). Маленькому японцу мастера игрушечной индустрии предлагают на выбор множество точных копий самурайских мечей. О каком воображении тут может идти речь?

Вспомните, каким игрушкам вы в свое время отдавали предпочтение – многофункциональным (пускай и неказистым) или тем, что обладали определенной формой и свойствами? Может быть, вы любили мастерить поделки из природного материала, охотно использовали в игре бытовые предметы, наделяя их разными функциями. Это означает явное преобладание конструктивного творческого мышления, стремление приспособить окружающий мир к своим потребностям и интересам. Если же вы особенно ценили, чтобы игрушечный пистолет был похож на настоящий, а, скажем, спичечные коробки или наперстки считали неважной заменой игрушечной посуды и т. д., значит, ваше мышление более приземленное, конкретное, привязанное к заданным условиям. Люди такого склада часто бывают добросовестными исполнителями, умеющими приспособиться к требованиям жизни. Но при решении нетривиальных задач при отсутствии четко заданных условий они нередко теряются.

В этом отношении очень показательна такая игрушка, как конструктор. Обычно набору деталей сопутствует схема сборки каких-то конкретных сооружений. Ребенок, который упорно и досконально следует этой схеме, вероятно, вырастет человеком, который предпочитает привычный ход событий и не любит неожиданностей. Оригинальные постройки, наоборот, свидетельствуют о тяге к экспериментированию. К тому же человек, задумывающий какую-то постройку без схемы-опоры, вероятно, вполне уверен в своих силах. Впрочем, такая уверенность может быть и чрезмерной.

Еще более показательный материал – пластилин. Любители играть с ним обожают усовершенствования, причем стараются, не ограничиваясь фантазиями, создать своими руками новую реальность. Равнодушие к пластилину выдает основательность мышления, стремление оперировать четкими, а не расплывчатыми формами.

Спортивные игрушки, главная среди которых мяч, предпочитают деятельные натуры, не склонные к долгим размышлениям. Такие люди, что-то задумав, стараются действовать быстро и решительно. Они страстные любители соревнований, в которых любят участвовать, а не только наблюдать. Для полного счастья им необходимо общение с близкими по духу людьми, готовыми разделить и оценить их активность.

Мягкие игрушки – мишки, собачки, зайчата, – а также всевозможные куклы считаются игрушками для девочек. Конечно, если мальчик проявляет повышенный интерес к игре в куклы, тут, возможно, есть повод насторожиться: в качестве мальчика он (скорее всего по вине родителей) чувствует себя не очень уютно. Однако многие мальчики, особенно в младшем возрасте, охотно играют с мягкими игрушками. И это нормально. Позднее их заменяют солдатики – по сути те же мальчишеские куклы. Любовь к игрушкам – копиям живых существ и сказочных героев выдает активную ориентацию ребенка на эмоционально насыщенное общение. Ведь кукла или мишка выступают для него идеальным другом, который всегда правильно себя ведет, все понимает и не помнит зла. Плохо только, если такой идеальный друг – единственный, а настоящих нет. Впрочем, ребенок, ориентированный на эмоциональную сторону отношений, как правило, имеет достаточно друзей. Не исключено, что судьбой ему предназначено изучать человеческую природу.

Особого разговора заслуживают так называемые агрессивные игрушки, главным образом копии оружия. Отношение к ним сложилось неоднозначное, хотя мальчишки испокон века играли в военные игры. Это естественно: в игре растущий человек стремится освоить формы поведения взрослых, приобщиться к образцам мужественности. А воин – это утвержденный веками идеал мужчины.

Сегодня на волне гуманистических деклараций кое-где даже проводятся демонстративные акции по якобы антимилитаристскому воспитанию. Так, однажды группой энтузиастов было предложено мальчикам-дошкольникам и младшим школьникам сдать свои военные игрушки и получить взамен мягких плюшевых пупсов. Собранная куча «оружия» была торжественно сожжена. Но организаторы этой акции, по мнению психологов, достигли совсем не той цели, к которой стремились. В самосознании мальчишек произошел болезненный надлом: у них отняли символы формирующейся мужественности и заставили символически соскользнуть на стадию младенчества.

Как говорили древние, все есть лекарство и все есть яд – важна только мера. Пластмассовый пистолет – это всего лишь игрушка. И манипуляции с ним в разумных пределах даже полезны для формирующейся личности мальчика. Однако выход за эти пределы должен настораживать. Чрезмерное пристрастие к стрельбе – пускай и понарошку – скорее всего свидетельствует о каких-то внутренних психологических конфликтах, не находящихся иной разрядки, кроме как в форме символического «пиф-паф, ты убит!» Следует обратить внимание, в кого чаще целится юный стрелок. Если в сверстников, то, вероятно, он не вполне удовлетворен тем, как складываются его отношения с ними. Если в родителей, то, значит, их воспитательные установки он приемлет с напряжением и неудовольствием. Если же вообще во все на свете, то тут мы имеем дело с общей неприспособленностью к миру, который ребенок неосознанно воспринимает как враждебный и потому стремится ответить встречной агрессией.

Таким образом, увлечение игрушечным оружием и военными играми вовсе не однозначно свидетельствует о формирующейся агрессивности, как может показаться. Скорее наоборот – к настоящему оружию чаще тянутся те взрослые, которые в детстве не наигрались в игрушечное.

Не имеет смысла ограничивать ребенка в одних играх и навязывать ему другие. Лучше присмотреться к его склонностям и интересам, которые и отражают его подлинную природу.

Тогда он, когда повзрослеет и найдет в шкафу свою старую машинку или куклу, улыбнется теплой улыбкой, а не скорчит отчужденную ухмылку Кристофера Робина.

Добрым молодцам урок

От реальной жизни волшебная сказка отличается тем, что в ней обязательно разрешаются любые проблемы. Пускай для этого нужны самые невероятные средства, однако в сказке они всегда находятся, и с их помощью герою всегда удается преодолеть все затруднения и в итоге оказаться на высоте.

Современная жизнь тем похожа на сказку, что в ней коварные злодеи, ведьмы, оборотни и соловьи-разбойники встречаются на каждом шагу. Вот только добрые феи и прекрасные принцы совсем перевелись. И современной Золушке приходится, завистливо поглядывая на хрустальные туфельки на недоступной витрине, всю жизнь батрачить на вздорную мачеху, а добрый и бескорыстный Иван-Царевич именно в силу этих своих качеств рискует навсегда остаться Иванушкой Дурачком.

Именно поэтому мы, взрослые, к сказкам относимся недоверчиво. Когда взрослый человек произносит слово «сказка», он обычно имеет в виду несерьезную выдумку, с помощью которой дурачат наивных простаков. «Не рассказывай мне сказки!» – упрекаем мы собеседника, когда он слишком явно грешит против здравого смысла. Мы же разумные люди, понимаем – что почем. Такими мы хотим видеть и наших детей, с малолетства прививая им полезные навыки и трезвый взгляд на действительность. Сказка тут оказывается совершенно лишней. Ведь нашим детям предстоит решать свои проблемы с помощью не волшебной палочки, а здравого практицизма. Так что пускай лучше расширяют эрудицию с помощью иллюстрированной энциклопедии, а не забивают голову бесполезными выдумками и коврах-самолетах и шапках-невидимках. Конечно, совсем без фантазий не обойтись, да и развлечение ребенку необходимо. Но тут на помощь приходит телевизор, на экране которого вершит справедливость Человек-Паук и творят чудеса Чип и Дейл. Чем не замена старым сказкам? Ведь мы, в конце концов, живем в третьем тысячелетии! Сказочницу Арину Родионовну сменили компьютер и видео. Вот только новый Александр Сергеевич никак не появится...

Действительно, современные дети живут в принципиально иных условиях, чем жили в детстве их родители, и пользуются такими благами, о которых раньше только в сказках и рассказывали. Они по-другому мыслят, иначе воспринимают мир, прежде всего потому, что сам этот мир невероятно изменился и теперь предстает перед детьми в совершенно ином качестве, чем это было еще пару десятилетий назад. Испокон века старшие преподносили детям полезные знания и моральные истины в устной форме, либо рассказывая о них от своего лица, либо зачитывая из известных книг. Человек так устроен, что большую часть информации он воспринимает зрительно. Однако своими глазами увидеть можно далеко не все. Зато рассказать и послушать можно о чем угодно. Те явления, которые недоступны непосредственному восприятию, дети познавали из рассказов. Нравственные и этические категории, которые вообще невозможно увидеть и потрогать, они осваивали на примерах из тех же рассказов. Разумеется, маленькому ребенку бесполезно преподносить идеалы морали в виде философских афоризмов, однако усвоить их на примере действий сказочных героев ему вполне по силам. Так на протяжении веков и происходило становление личности, в котором бабушкины сказки играли далеко не последнюю роль – не столько развлекательную, сколько поучительную. «Сказка – ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок».

Современный ребенок поставлен в совершенно иные условия. Маме, как правило, недосуг развлекать его сказками, да и современная бабушка еще достаточно молода и предпочитает вести активный образ жизни, а не «убивать время» на внуков. Старшие бывают вполне удовлетворены, когда ребенок развлекает себя сам с помощью конструктора Лего (ведь, говорят, это так полезно для формирования конструктивных навыков!) или наблюдает

за приключениями сказочных героев на телеэкране. Правда, потом приходится недоумевать, отчего повзрослевший ребенок не в состоянии написать элементарное школьное сочинение без заготовленного шаблона и почему он теряется перед житейской моральной дилеммой, если она не была обыграна героями телесериала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.